

A woman with short blonde hair, wearing a dark blazer over a white top and dark trousers, stands on the left. She has a serious expression. To her right, a man with dark hair, wearing a dark blazer over a light-colored button-down shirt and dark trousers, sits in a chair. He is looking off to the right with a serious expression. The background is dark and moody, with some light coming from the left, possibly a window or lamp. The overall tone is dramatic and serious.

Марк Кросс

**Ловушка для
доктора Донован**

Марк Кросс

Ловушка для доктора Донован

<https://litres.ru/74500303>

SelfPub; 2026

Аннотация

«У людей, которые врут профессионально, обычно очень спокойные руки...»

Известный психотерапевт Клэр Донован уверена, что умеет читать людей как открытые книги. Поэтому, когда ей начинают приходить панические письма от загадочной Вероники, утверждающей, что муж медленно сводит её с ума и держит в заложниках, Клэр решает разобраться в этом сама. Она приезжает по адресу к её мужу — холодному, расчетливому Итану.

Дистанция в полметра, остывающий ужин, открытая коробка лапши и чужая заколка на столе. Клэр думает, что она ведет допрос. Она не знает, что Итан просчитал каждую секунду этой встречи ещё два года назад. И что в бокале вина, который она держит в руках, растворена её самая страшная, заблокированная в памяти тайна.

Психологическая дуэль на грани фолла, где оба рассказчика лгут. Сможете ли вы угадать, где заканчивается реальность и начинается чужой безупречный расчёт?

Первая книга цикла. Публикуется бесплатно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ловушка для доктора Донован

Глава 1

Дверь квартиры Итана открывается раньше, чем я успеваю убрать руку от звонка — будто он стоял по ту сторону и ждал, пока я передумаю. На нём серая футболка не по размеру, слишком свободная в плечах, и я сразу понимаю: он специально надел что-то домашнее, чтобы я расслабилась. Расчёт неплохой. Почти сработал бы на ком-то другом.

— Клэр, ты рано, — говорит он вместо «привет».

— Ты написал в семь. Сейчас семь.

— Я написал в семь, рассчитывая, что ты придёшь в половине восьмого. Все так делают.

Я не отвечаю, потому что он прав, и потому что это раздражает больше, чем если бы он ошибся. Прохожу мимо него в коридор, и он отступает ровно настолько, чтобы не пришлось касаться друг друга плечами. Я запоминаю это движе-

ние — не потому что романтично, а потому что рефлекторно. Профессиональная привычка: людей выдают не слова, а сантиметры, на которые они готовы подпустить или не подпустить чужого человека к себе.

Квартира дорогая, но необжитая. Диван стоит так, будто его вчера привезли и ещё не решили, куда сдвинуть на пятнадцать сантиметров. На кухонном столе — открытая коробка с китайской едой, вилка воткнута в лапшу под углом, который говорит о том, что её бросили на середине, а не доели. Я всё это фиксирую машинально, раскладывая по полочкам, хотя сама себе говорю, что просто разглядываю интерьер, как разглядывала бы любая женщина, впервые оказавшаяся дома у мужчины.

— Будешь вино? — спрашивает Итан, уже открывая шкафчик.

— Буду.

Он наливает, не спрашивая, какое я люблю, и я снова отмечаю это — не обиженно, а с каким-то холодным удовлетворением, как будто он только что подтвердил то, что я и так знала о нём. Мужчина, который не спрашивает. Мужчина, который решает за тебя маленькие вещи, чтобы потом было легче решать за тебя большие.

Я сажусь на диван, закидываю ногу на ногу и слежу за тем, как двигаются его руки — уверенно, без лишних жестов. У людей, которые врут профессионально, обычно очень спокойные руки. У людей, которые врут впервые, руки выдадут всё за секунду до того, как рот успеваает соврать красиво. Итан относится к первой категории. Или ко второй, просто хорошо маскируется — этого я пока не знаю, и мне не нравится, что не знаю.

— Ты как-то внимательно смотришь, — говорит он, протягивая бокал.

— Я всегда так смотрю. Профессиональная деформация.

— Психолог всё же не разведчик.

— Иногда разница чисто терминологическая.

Он улыбается — не широко, одним углом рта, и садится напротив, не рядом. Тоже фиксирую. Дистанция та же, что была в коридоре: ровно настолько, чтобы у меня не было повода почувствовать себя в опасности, и ровно настолько, чтобы у меня не было повода почувствовать себя желанной. Он держит меня где-то посередине, и делает это, кажется, сознательно.

За окном темнеет быстрее, чем должно в это время года — или мне просто кажется, потому что я слишком долго не свожу взгляда с одной точки. На журнальном столике, рядом с его телефоном, лежит женская заколка. Простая, чёрная, из тех, что стоят копейки в любой аптеке. Не моя. И судя по тому, как небрежно она валяется — не гостьи, а чья-то давняя, забытая, из тех вещей, которые перестают замечать через полгода после того, как перестают замечать человека, которому они принадлежали.

Я не спрашиваю про заколку. Записываю её местоположение в памяти, как записываю всё остальное, и делаю глоток вина.

— Ты говорила по телефону, что хотела кое-что обсудить, — говорит Итан, и в его голосе впервые звучит что-то похожее на осторожность. — Не светские визиты же ради этого.

— Не светские, — соглашаюсь я.

— Тогда?

Я ставлю бокал на стол — на пару сантиметров ближе к заколке, чем нужно, чтобы иметь предлог посмотреть туда ещё раз, — и смотрю ему прямо в глаза.

— Твоя жена присылала мне письма три месяца подряд. Последнее — за два дня до того, как пропала.

Что-то в его лице не меняется. Совсем ничего — ни один мускул, ни одно движение век. И вот это отсутствие реакции пугает меня сильнее, чем любая реакция могла бы напугать.

— У меня нет жены, — говорит он ровно.

— Я знаю, — говорю я. — Именно поэтому я здесь.

Глава 2

За пятнадцать минут до звонка в дверь я убираю заколку с полки в спальне и кладу её на журнальный столик. Не бросаю — кладу, подбираю угол, чтобы она лежала будто случайно, будто её забыли неделю назад и с тех пор не замечали. Это занимает у меня секунд десять и требует больше расчёта, чем варить кофе, который я потом не пью.

Коробку с лапшой я не трогаю. Она и так стоит там, где я её оставил вчера, вилка воткнута под тем же углом — это настоящее, не постановка, но я успеваю подумать, что настоящий беспорядок работает лучше любой декорации. Женщина вроде Клэр не поверит в квартиру, где всё аккуратно. Она поверит в квартиру, где что-то забыто на середине.

Звонок раздаётся ровно в семь. Я специально написал ей это время, зная, что она придёт вовремя — не потому что пунктуальна, а потому что не хочет показаться той, кто играет в игры со временем. Она из тех, кто убеждён, что честность — это форма контроля. Забавно, учитывая, зачем она здесь.

Открываю дверь раньше, чем она успевает опустить руку. Хочу увидеть первую секунду её лица без подготовки — тот

единственный момент, когда человек ещё не выбрал, какое выражение надеть. У Клэр в эту секунду ничего интересного: лёгкое раздражение, что её застали врасплох, и что-то ещё, спрятанное быстрее, чем я успеваю назвать. Профессионалка. Хуже, чем я думал, или лучше — зависит от того, с какой стороны считать.

— Ты рано, — говорю я вместо «привет».

— Ты написал в семь. Сейчас семь.

— Я написал в семь, рассчитывая, что ты придёшь в половине восьмого. Все так делают.

Она не отвечает, и это тоже информация. Люди, которым нечего скрывать, оправдываются на автомате, просто чтобы заполнить паузу. Клэр даёт паузе повиснуть, проходит мимо меня в коридор, и я отступаю ровно настолько, чтобы наши плечи не соприкоснулись. Не из вежливости. Мне нужно, чтобы она сама решила, когда сократить дистанцию — тогда это будет её выбор, а не моя инициатива, и потом, если что-то пойдёт не так, виноватой будет чувствовать себя она, не я.

Она садится на диван, закидывает ногу на ногу — движение слишком расслабленное для человека, который пришёл с чем-то серьёзным. Либо она хорошо держит лицо, либо

действительно не нервничает, и второе меня тревожит сильнее первого. Я наливаю вино, не спрашивая, какое она пьёт, потому что уже знаю — красное, сухое, без разницы какого урожая, лишь бы не сладкое. Это не догадка. Это то, что бывает известно заранее, когда готовишься к встрече дольше, чем человек напротив думает.

— Ты как-то внимательно смотришь, — говорю я, протягивая бокал.

— Я всегда так смотрю. Профессиональная деформация.

— Психолог всё же не разведчик.

— Иногда разница чисто терминологическая.

Она улыбается одной стороной рта — точь-в-точь как это делаю я, и от этого мне на секунду становится не по себе, будто я смотрю в зеркало, которое решило соврать мне в лицо. Сажусь напротив, не рядом. Дистанция та же, что в коридоре: достаточная, чтобы она не почувствовала угрозы, и достаточная, чтобы почувствовала кое-что другое, чему у неё, наверное, нет профессионального термина.

Она замечает заколку. Я вижу это по тому, как её взгляд задерживается на журнальном столике на долю секунды

дольше, чем нужно для обычного разглядывания интерьера, а потом демонстративно уходит в сторону — слишком демонстративно, чтобы быть случайным. Она хочет, чтобы я не заметил, что она заметила. Милая попытка. Я записываю это так же, как она наверняка записывает мои руки, мою позу, то, как я держу бокал за ножку, а не за чашу.

Заколка — не наживка в том смысле, в каком она, возможно, уже это себе объяснила. Наживка предполагает, что я знаю, чего хочу поймать. Я не знаю. Я знаю только, что женщина, которой она принадлежала, три месяца назад перестала быть моей проблемой, и что если Клэр действительно получала от неё письма всё это время, то либо кто-то очень хорошо имитирует почерк мёртвого человека, либо мёртвый человек не так уж мёртв, как мне сказали.

Я не говорю ей этого. Вместо этого спрашиваю про звонок, тяну время, слушаю, как она формулирует то, что явно репетировала в машине по дороге сюда — слишком гладко для спонтанной мысли, слишком коротко для того объёма информации, который, судя по её лицу, у неё на самом деле есть.

— Твоя жена присылала мне письма три месяца подряд, — говорит она. — Последнее — за два дня до того, как пропала.

Вот тут интересно то, что происходит у меня внутри, а не то, что происходит на моём лице. На лице — ничего, я слишком давно тренирую эту версию себя, чтобы она подвела меня из-за одной фразы. Внутри — совсем другое. Внутри — резкий, почти физический укол где-то под рёбрами, потому что слово «жена» она произносит с абсолютной уверенностью, будто это факт, а не то, что ей рассказали, и это значит, что кто-то поработал над ней гораздо тщательнее, чем я рассчитывал. Или гораздо тщательнее, чем рассчитывала она сама.

— У меня нет жены, — говорю я. Это правда. Технически. В том смысле, в каком технически правдивы почти все вещи, которые я говорю за последний год.

— Я знаю, — отвечает она. — Именно поэтому я здесь.

Она смотрит на меня так, будто только что выиграла партию, о которой я даже не знал, что мы играем. И где-то между раздражением от того, что меня переиграли на моей же территории, и совершенно неуместным, почти постыдным желанием придвинуться к ней ближе, чем позволяет дистанция, которую я сам выстроил, я понимаю одну вещь совершенно чётко.

Клэр знает не то, что она думает, что знает. И кто-то очень постарался, чтобы она была в этом уверена.

— Кто тебе это сказал? — спрашиваю я, и впервые за весь вечер мой голос звучит не так ровно, как мне бы хотелось.

Глава 3

Вопрос повисает в комнате дольше, чем должен. «Кто тебе это сказал?» — и голос у него впервые за вечер не тот, отрепетированный, а живой, с трещиной посередине, будто кто-то толкнул ровно выстроенную стену и она чуть сдвинулась с фундамента.

Это моя маленькая победа. Я не улыбаюсь — было бы глупо праздновать так рано, — но что-то внутри меня выпрямляется, как будто я наконец нашла точку опоры в комнате, где до этого всё было рассчитано под меня, а не под правду.

— Никто мне не «сказал», Итан, — говорю я, аккуратно кладя ногу на ногу заново, хотя она и так уже была там. — Мне написали. Три месяца писем — это не слух, переданный через третьи руки. Это почерк. Это даты. Это детали, которые нельзя выдумать, если ты не жил в этой квартире.

— В какой квартире? — Он подаётся чуть вперёд, локти на колени, и та дистанция, которую он так старательно выстраивал весь вечер, начинает съезживаться сантиметр за сантиметром. Не рывком — иначе бы я встала и ушла из принципа, — а медленно, как будто он сам не замечает, что де-

лает.

— В этой, — говорю я. — Она писала про диван, который стоит не на своём месте уже полгода, потому что вы всё собирались его подвинуть и так и не собрались. Писала про то, что ты никогда не спрашиваешь, какое вино она хочет. — Пауза. Я смотрю, как он сглатывает, и это тоже фиксирую, как фиксирую всё остальное. — Забавно, кстати. Ты и мне не предложил выбор.

Он молчит секунду дольше, чем нужно для человека, у которого совесть чиста.

— По документам, Итан, ты никогда не был женат. Я проверила это ещё до того, как согласилась приехать. Ни штампа, ни заявления, ничего. — Я делаю глоток вина, чтобы дать паузе развернуться в комнате во всю ширину. — Но женщина, которая мне писала — назовём её Вероника, раз уж это её имя, — утверждала, что вы живёте вместе три года. Она называла тебя мужем. Не бойфрендом, не сожителем. Мужем. Снова и снова, в каждом письме, как будто ей важно было убедить в этом не меня, а саму себя.

Что-то дёргается у него в уголке рта — не улыбка, скорее её противоположность, будто мышца вспомнила движение и не успела его остановить.

— Люди называют себя как хотят, — говорит он тихо. — Это не преступление — считать себя женатым без штампа.

— Не преступление, — соглашаюсь я. — А вот то, что она писала дальше — уже интереснее с юридической точки зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.